

Цзя Баоюй, совершенно не чувствуя неловкости, оживленно заговорил:

— Сестрица, а не дать ли мне тебе второе имя?

Однако договорить ему не дала матушка Лю, прервав его на полуслове. Баоюй недовольно взглянул на нее. Перед ним стояла пожилая служанка, а подобные набожные наставницы всегда вызывали у него лишь скуку и раздражение.

— Я беседую с сестрицей! — капризно бросил он. — С чего бы тебе соваться в наш разговор?

Матушка Цзя слегка нахмурилась, уловив неуместность слов внука. Матушка Лю же ответила с безупречным спокойствием:

— Второй господин Цзя еще совсем дитя, раз не ведает, что девице вежливое имя не дается по первому капризу. Прошу вас, старая госпожа, не взыскать за прямоту, но пускай ему и простительны его шалости по малолетству, нам, приставленным оберегать девицу, перед господином Линем держать ответ. Неровен час, спросит, как мы допустили подобное вольнодумство.

Старая госпожа мгновенно сообразила, что Баоюй действительно переступил черту. Она тут же благодушно улыбнулась:

— Матушка Лю, твоя верность долгу делает тебе честь. Но право слово, это лишь невинная детская забава, не принимай близко к сердцу.

Тут она строго посмотрела на внука:

— Поглядите, как расшалился! Расстроил сестрицу своими глупостями. Ну-ка, немедленно извинись перед ней!

Баоюй искренне не понимал, в чем провинился, однако под тяжелым взглядом бабушки и под прицелом стольких глаз спорить не решился. Он неловко поклонился кузине.

Дайюй лишь холодно опустила взгляд:

— Прошу тебя, братец, впредь быть осмотрительнее в речах.

«Какая же она холодная!»

Обиды в Баоюе никогда не держались долго. Не прошло и пары минут, как он снова придвинулся ближе и с любопытством спросил:

— Сестрица, а у тебя есть нефрит?

Дайюй едва заметно усмехнулась:

— В семьях вроде нашей у каждого сыщется пара-другая вещиц из нефрита. Вот только вряд ли они столь же... примечательны, как твой, братец.

Слово «примечательны» она выделила особым, язвительным тоном, давая понять, что не желает слушать бахвальство о его чудесном камне.

Хотя Баоюй не до конца уловил скрытый смысл, холодность кухни он почувствовал отчетливо и умолк, не зная, что сказать. К счастью для него, сумерки уже сгустились, и в залу вошла матушка Чжан, чтобы доложить, что покои барышни полностью готовы к приему хозяйки.

Матушка Цзя ласково погладила внучку по руке:

— Раз так, ступай, Юй-эр. Ты сегодня утомилась с дороги, отдохни как следует.

Дайюй поднялась, собираясь откланяться, как вдруг Баоюй подскочил к старой госпоже и заканючил, дергая ее за рукав:

— Бабушка, ну зачем сестрице селиться отдельно? Разве нельзя ей остаться с нами в одном крыле?

У Дайюй от такой наглости перехватило дыхание. Кухни растерянно переглянулись, не смея поднять глаз. Лишь Сюэ Баочай, скользнув взглядом по лицу Баоюя, перевела его на побледневшую от гнева Дайюй и мысленно вздохнула. Прожив в поместье Жунго несколько месяцев, она успела изучить нрав молодого господина: злого умысла в его словах не было, он просто начисто был лишен представления о девичьей чести и приличиях.

Матушка Лю решительно шагнула вперед, загораживая собой Дайюй, и ледяным тоном обратилась к матушке Цзя:

— О высоком воспитании в Поместье Жунго ходят легенды, но нашей барышне, боюсь, подобные вольности не под силу. Если гостеприимство вашего дома требует пренебречь честью девицы, мы не смеем более здесь оставаться. Прошу вас, старая госпожа, распорядиться об экипаже — мы возвращаемся в усадьбу господина Линя.

Для матушки Цзя, привыкшей, что Баоюй свободно вхож в любые женские покои поместья, его слова не казались чем-то из ряда вон выходящим. Однако она была умудренной опытом женщиной. Увидев непреклонность матушки Лю и застывшую, оскорбленную в лучших чувствах Дайюй, старая госпожа поняла: подобные речи за пределами этих стен могут обернуться несмываемым позором. В мыслях она лелеяла определенные планы на будущее

детей, но, глядя на грозную наставницу, смекнула: здесь спешка только навредит.

— Наш Баоюй с младенчества рос среди сестер, привык к ним, вот по малолетству и сболтнул лишнего, — засуетилась она с примирительной улыбкой. — Юй-эр, милая, ради меня, старой, не сердись на своего непутевого брата.

Она легонько подтолкнула внука в спину:

— Ну же, проси прощения у сестрицы! Если еще раз взболтнешь глупость, гляди, отец самолично выдерет тебя палками!

Перепуганный ледяной суровостью матушки Лю, Баоюй поспешно поклонился Дайюй:

— Милая сестрица, виноват, неразумный я! Прости меня, не держи зла.

Но едва подняв голову, он снова загорелся:

— Тогда завтра я сам приду к тебе поиграть!

Дайюй не успела даже открыть рот, как матушка Цзя поспешила закрепить перемирие:

— Вот и славно! Вы ведь брат и сестра, одна кровь, вам и надлежит жить дружно.

Последние слова предназначались Дайюй. Та покорно склонила голову, скрывая бурю негодования в глазах:

— Бабушка говорит истину. Я непременно постараюсь ладить со всеми сестрами.

Старая госпожа, умудренная годами, прекрасно видела, что покорность внучки притворная, и мысленно посетовала на зятя: видать, Линь Хай совсем отдалил девушку от материнской родни, раз она держится столь чужой.

— Коли так, время уже позднее, ступайте спать, — сухо подытожила матушка Цзя.

Дайюй, проигнорировав восторженный взгляд кузена, чинно откланялась и вышла.

Едва переступив порог отведенных ей покоев, Дайюй дала волю чувствам. Она, до этого хранившая маску вежливой холодности, не сдержала слез. Преданные служанки тут же

окужили барышню, пытаюсь унять ее горечь.

С самых малых лет Дайюй росла в любви и неге, не зная оскорблений. Родная бабушка... Да только права пословица: родня по матери — все одно чужая кровь. Как бы ни пеклась старая госпожа о внучке, любимый внук для нее всегда будет на первом месте. Разве этот несносный Цзя Баоюй хоть на миг проявил уважение к ее отцовскому дому? За кого они ее принимают? За безродную девчонку, призванную развлекать их избалованного барчука?

Матушка Лю со вздохом приобняла плачущую девочку:

— Полно вам плакать, барышня. Из-за пустоголовых людей слезы лить не стоит, все равно мы здесь ненадолго. Не ровен час, господин Линь или великий князь проведает о ваших слезах — изведутся ведь от жалости.

— Отец был прав, — с трудом выговорила Дайюй сорвавшимся голосом. — Родственники эти... одно название. Матушка, умоляю вас, оградите меня от этого несносного братца. Он ведь старше меня! И ладно бы сравнивать его с третьим братом или с братом Юем, но даже Брат Цзинь на его фоне кажется благородным мужем. На что этот Цзя Баоюй тратит свои годы? Какие книги он читает?

Матушка Лю переглянулась с матушкой Чжан, и обе снисходительно улыбнулись.

— Барышня, не извольте беспокоиться, — успокоила ее матушка Чжан. — Этот барчук — обыкновенный бездельник, развращенный слепой любовью старших. Посмей он сунуться в наши покои — быстро узнает, на что способны старые служанки дома Линь. Мы живо научим его манерам.

Дайюй наконец улыбнулась.

— Но и вы будьте осторожны, матушки, — мягко заметила она. — Все же мы у них в гостях. Не хочется, чтобы пошли грязные толки. Перетерплю как-нибудь это время, а там видно будет.

Понемногу буря в душе девочки улеглась. Раз уж отец счел нужным привезти ее сюда, значит, на то были веские причины. Сбежать сейчас — лишь добавить родителю забот. Придется набраться терпения.

Приняв твердое решение оставаться лишь вежливой гостьей и ни во что не вмешиваться, Дайюй зажила вполне сносно. Слуги в поместье Жунго, хоть и привыкли мерить людей по богатству да знатности, быстро сообразили, что приехавшая барышня — особа редкой изысканности и веса, к которой и подступиться боязно. К тому же свита у Дайюй была внушительной. Местные служанки, приставленные для черной работы, ходили перед матушкой

Лю по струнке, не смея пикнуть.

Вскоре Дайюй сошлась со своими кузинами. Все три барышни дома Цзя оказались на редкость милыми и приятными в общении, но больше всего ее внимание привлекла гостившая здесь же девица Сюэ.

Дайюй, унаследовавшая острый ум и получившая блестящее домашнее воспитание от самого Линь Хая, втайне гордилась своими познаниями, превосходившими знания многих мужчин. Однако при встрече с Сюэ Баочай она поняла, что поспешила с выводами.

«И над высоким небом есть еще одно небо», — смирив гордость, подумала тогда Дайюй.

Баочай была умна, начитанна и держалась с поразительным достоинством. И все же после нескольких доверительных бесед Дайюй с легкой грустью осознала: им никогда не стать близкими подругами. Слишком уж разными путями они шли по жизни.

За неимением рядом отца, Дайюй поделилась своими наблюдениями с матушкой Лю, зная ее житейскую мудрость. Выслушав сомнения воспитанницы, наставница лишь покачала головой:

— Жаль девицу Сюэ, барышня, ох как жаль. Вам ведь неведомо, из какого сора произрастает ее благополучие?

Дайюй удивилась:

— Я знаю лишь то, что их семья поставляет товары ко двору.

— Верно, они императорские купцы, — кивнула матушка Лю. — Но не забывайте: испокон веков в нашем государстве сословия делятся на четыре чина — мужи ученые, пахари, ремесленники да торговцы. Купечество всегда плелось в самом хвосте. Каким бы богатством ни владели Сюэ, девица из этого дома по своему положению уступает даже дочери самого мелкого чиновника. Это во-первых. А во-вторых, приезд их в столицу под предлогом отбора невест во дворец — лишь ширма. Настоящая причина куда грязнее: ее старший брат в Цзиньлине до смерти забил человека. Лишь благодаря заступничеству семейств Цзя и Ван дело замяли. Но мерзавец и не думает исправляться. Рано или поздно он навлечет на семью новую беду. Оказавшись в такой ловушке, девице Сюэ волей-неволей приходится плести интриги, дабы выгрызть себе теплое место под солнцем. С ее умом и скрытностью ей бы самое место в императорском гареме... но увы, происхождение закрывает туда дорогу.

Матушка Лю намеренно разложила все по полочкам, оберегая Дайюй от дружбы с той, чья репутация могла оказаться запятнанной.

При этих словах Дайюй почувствовала искреннее отвращение. Ладно бы еще купеческое сословие — к этому она относилась спокойно. Но укрывать убийцу? Если брат ее так порочен,

то и добродетель сестры, скрывающей семейные грехи за маской безупречности, вызывает глубокие сомнения.

Узнав подноготную семейства Сюэ, Дайюй окончательно потеряла к ним интерес. Она уже собиралась сменить тему, как вдруг со двора донесся знакомый назойливый шум. Девочка мгновенно раздражилась.

Это и было главной бедой ее пребывания в поместье Жунго. Ее кузен Цзя Баоюй обладал поистине редким даром — он напрочь отказывался понимать человеческую речь и не имел ни малейшего представления о правилах приличия.

Едва вспомнив их первую встречу в этих стенах, Дайюй содрогалась от гнева. Тогда этот бесстыдник, пользуясь попустительством местных слуг, без зазрения совести попытался вломиться прямо в ее опочивальню, когда она еще даже не поднялась с постели! Благо Бань-ся и другие верные служанки вовремя преградили ему путь. С тех пор Дайюй испытывала к нему лишь глубокую неприязнь, но отделаться от прилипчивого родственника оказалось задачей не из легких.

— Барышня, прилягте отдохнуть, — мягко прервала ее мысли матушка Лю. — А я пойду выпровожу незваного гостя.

Дайюй согласно кивнула:

— Возьмите с собой кого-нибудь из слуг, матушка. Девки, что вьются вокруг него, воспитаны из рук вон плохо. Неровен час, позволят себе дерзость в ваш адрес.

Матушка Лю лишь снисходительно усмехнулась:

— Полно вам, барышня, неужто я, старая, с глупыми девчонками не слажу?

Она с поклоном вышла из комнаты.

В покои бесшумно скользнула Бань-ся, готовя постель для полуденного сна своей хозяйки:

— Барышня, не берите в голову. Матушка Лю в два счета наведет порядок во дворе.

Дайюй устало опустилась на мягкие шелковые подушки, прикрыв глаза:

— И о чем только думает бабушка? Твердит на каждом шагу, как сильно дорожит Баоюем, а

сама растит из него изнеженную девицу. Целыми днями крутится среди служанок на женской половине усадьбы — разве вырастет из такого мужчина? Книги ему не милы, и все ему сходит с рук. Тьфу, сплошной срам...

Она тихо вздохнула, сокрушаясь о падении некогда славного материнского рода.

Бань-ся, стараясь отвлечь хозяйку от мрачных мыслей, приснула в кулак:

— Да уж, второму господину Цзя при рождении явно перепутали участь — девицей он смотрелся бы куда естественнее. Знаете ли вы, барышня, что вчера он подкараулил Инго — ту самую служанку, что прислала к нам старая госпожа? Пытался выпытать у нее, какие благовония вы предпочитаете, чтобы собственноручно составить для вас притирки да румяна. Подумать только, благородный наследник — и копается в женских притираниях!

Дайюй резко открыла глаза:

— Инго? И что же она ответила?

— Будьте спокойны, барышня, девка оказалась смышленной. После наставлений матушки Лю она и пикнуть лишнего не посмеет. Из нее и слова не вытянули.

Выслушав служанку, Дайюй с облегчением выдохнула. Под бдительным оком ее верных матушек вряд ли случится беда.

За окном крики мало-помалу утихли — видать, матушка Лю в очередной раз спроводила назойливого кузена восвояси. Спать Дайюй уже перехотелось. Она лежала в полумраке комнаты, лениво обмахиваясь шелковым веером и прислушиваясь к мирному шелесту листвы во дворе.

<http://bllate.org/book/18189/1761019>